

Конфликт интерпретаций в рамках парадигмы “интерпретативной социологии”

*В.Н. ТИТОВ**

***ТИТОВ Владимир Николаевич** – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИНСАП РАНХиГС), Адрес: 119034, Пречистенская набережная, д.11. E-mail: titov-vn@ranepa.ru

В статье предпринимается попытка представить аналитический обзор основных теоретико-методологических подходов, оказавших непосредственное влияние на формирование “интерпретативной” социологии и используемых в рамках этого направления качественных методов. Основное внимание уделено рассмотрению рецепции и переосмыслению герменевтического метода в традиции “интерпретативной” социологии. Выделены и проанализированы ведущие методологические подходы, сложившиеся в рамках герменевтической парадигмы. Критический анализ предлагаемых в рамках различных герменевтических направлений концепций и идей позволил сформулировать ряд выводов, касающихся совершенствования методологии “интерпретативной” социологии и методики проведения анализа и интерпретации содержания нарративного материала.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, понимающая социология, методология, качественные методы, парадигма.

DOI: 10.31857/S086904990010755-2

Цитирование: Титов В.Н. (2020) Конфликт интерпретации в рамках парадигмы “интерпретативной социологии” // Общественные науки и современность. № 4. С. 174–190. DOI: 10.31857/S086904990010755-2

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Conflict of interpretation within the framework of the paradigm of “interpretive sociology”

*Vladimir N. TITOV**

* **Vladimir N. Titov** – doctor of Science (Economics), Leading Researcher of the Institute of Social Analysis and Forecasting Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Address: 11. Prechistenskaya Embankment, Moscow 119034, Russia. E-mail: titov-vn@ranepa.ru

Abstract. The article attempts to provide an analytical overview of the main theoretical and methodological approaches that have had a direct impact on the formation of “interpretative” sociology and used qualitative methods in this area. The main attention is paid to the consideration of the reception and rethinking of the hermeneutic method in the tradition of “interpretative” sociology. The leading methodological approaches that have developed within the framework of the hermeneutic paradigm are identified and analyzed. A critical analysis of the concepts and ideas proposed in the various hermeneutic directions allowed us to formulate a number of conclusions regarding the improvement of the methodology of “interpretive” sociology and the methodology for analyzing and interpreting the content of narrative material. The article was prepared as part of the research work of the state task of the RANEPa.

Keywords: hermeneutics, interpretation, understanding sociology, methodology, qualitative methods, paradigm.

DOI: 10.31857/S086904990010755-2

Citation: Titov V. (2020) Conflict of interpretation within the framework of the paradigm of “interpretive sociology”. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 174–190. DOI: 10.31857/S086904990010755-2 (In Russ.)

Накопленный опыт проведения и анализа материалов глубинных интервью в рамках реализации разнообразных исследовательских проектов, проведенных в Институте социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, заставляет обратиться к осмыслению исходных теоретико-методологических оснований “интерпретативной социологии” и используемых в рамках этой парадигмы “качественных методов”.

Основное назначение глубинных интервью (и качественных методов в целом) состоит прежде всего в понимании и рефлексии смыслов, которые содержатся в высказываниях респондентов, в выявлении способов описания, объяснения ими различных явлений, событий, процессов, социальных представлений, картин мира. Подобные высказывания, нарративы, мнения в значительной мере отражают переживание человеком своего присутствия в социальном мире, разнообразие его личностных и ролевых идентичностей как в настоящем, так в других временных измерениях (прошлое – биография; будущее – планы, проекты, стратегии).

Совокупность так называемых “качественных” методов (“углубленные интервью”, “дискурс-анализ”, “конверсационный анализ”, “устная история”, “биографический метод” и т.п.) в конечном итоге основываются на работе с теми или иными тестами, что неизбежно заставляет обратиться к восходящей к глубокой древности герменевтической традиции. Герменевтическая парадигма стала оформляться в противостоянии с выраженным логоцентризмом, сциентизмом философии “Разума”, эмпиризмом эпохи Просвещения XVIII в. В Новое время герменевтика стала распространяться на юриспруденцию, историю. Затем, в эпоху Романтизма, в орбиту искусства толкования попала художественная литература и искусствоведение в целом. На первых порах оппозиция герменевтики сциентизму состояла в акцентировании не разума, логики, научного метода как основы

познания, а иных способов освоения мира – чувства, эмоции, эмпатии, переживания. Ключевым методом герменевтики становится “герменевтический круг” – рассмотрение общего через составляющие его части и интерпретация элементов через предположение целого.

Обычно герменевтика понимается как нечто принципиально противоположное объективным научным методам наблюдения, сбора релевантных данных, классификации, построения гипотез с помощью операционализируемых понятий, их опытной верификации, построения на этой основе обоснованных теорий. Герменевтика выглядит скорее как искусство индивидуального толкования тех или иных текстов более или менее подготовленным читателем, искусством, не предполагающим наличие некоего трансцендентного “объективного” подхода.

В общественных и гуманитарных науках сложились многочисленные направления и школы, активно использующие герменевтический подход. Однако говорить о наличии универсальной парадигмы, приемлемой для исследователей, работающих в рамках “интерпретативного” направления, не приходится. Ученые, обращающиеся к качественным методам интерпретации, нередко различаются уже исходя из трактовки исходных понятий герменевтики, понимания сущности интерпретации, допущений о природе и соотношении мышления и действия и т.п. Сложность формирования универсальной герменевтической методологии и соответствующих методик интерпретации обусловлена прежде всего проблематичностью и неоднозначностью понимания объектно-предметной области исследования в общественных и гуманитарных дисциплинах. На мой взгляд, можно выделить три ключевых методологических подхода, сложившихся внутри герменевтической (интерпретативной) парадигмы:

- методологический индивидуализм – в данном случае интерпретация осуществляется с позиции некоего сравнительно независимого в своих оценках и суждениях индивида;
- методологический холизм – трактовка тех или иных текстов (вербальных, паравербальных, визуальных) осуществляется на основе попытки выявления неких латентных культурных кодов, программирующих установки, модели поведения отдельных индивидов;
- компромиссная интерпретация, предполагающая признание, с одной стороны, рефлексии и самостоятельного индивида, способного к формированию личной идентичности, стратегических планов, а с другой – этот индивид, социализируясь в определенной культуре, занимая социальные позиции и выполняя социальные роли, предстает социальным существом.

Позиция методологического холизма в герменевтике

Если сциентизм предполагает, что изучение реальности начинается с установки “незаинтересованной” и не имеющей никаких предварительных знаний об объекте исследования трансцендентной личности (субъекта познания), то интерпретативный подход (герменевтика) предполагает, что истолкование начинается с уже имеющегося у субъекта предположения об этой реальности. У познающего субъекта уже есть предварительные ожидания относительно изучаемой реальности, которая, правда, трактуется как текст. Х.-Г. Гадамер отмечал при этом, что “герменевтический круг нельзя трактовать как порочный или как неустранимое неудобство. В нем заключена позитивная возможность постижения изначального, возможность, улавливаемая лишь тогда, когда первая и последняя задачи интерпретации естественным образом понята: не допускать приписывания того, что происходит из предрасположенности, предвидения, предзнания случайного или общепринятого свойства. Та интерпретация, что вытекает из самих вещей, гарантирует научность поиска” [Реале, Антисери 1997, с. 424].

Переживание как центральная категория герменевтики стало рассматриваться как “непосредственность, предшествующая всякому толкованию, обработке или доведению

до сознания, а в конечном счете являющаяся поводом для толкования и материей для формирования образа, и возникающий из нее результат, то есть сохраняющееся содержание” [Гадамер 1998, с. 105]. Переживание трактуется как непосредственная данность – исходная основа для дальнейшего выстраивания отношений с текстом, произведением: фантазирование, восхищение, удивление, восторг и т.п. Жизнь и переживание начинают концептуализироваться как нечто противоположное рассудку, абстракциям разума, безличности индустриальной цивилизации. В дальнейшем этот концепт был воспринят Ю.Хабермасом, противопоставлявшим “жизненный мир” “системе” [Хабермас 1993].

Переживание в “философии жизни” В. Дильтея трактуется как внутренняя рефлексия бытия – и личного, и исторического. Это рефлексия не фактов и эмпирических данных, а единиц значений, смыслов [Гадамер 1988, с. 109]. В феноменологии Э. Гуссерля концепт “переживание” трактуется как все возможные акты сознания, сущностной основой которых является интенциональность. Оно противостоит понятийно-логическому освоению мира своей непосредственностью в отношении бытия. Бытие переживается во времени, воспринимаясь в категориях прошлого, настоящего и будущего. Бытие также способно переживаться в пространственном измерении. Переживание лишает базовые категории науки “пространство” и “время” их абстрактно-понятийного значения и возвращает к их непосредственному бытию и практикам. В рамках интерпретативной традиции оно рассматривается в контексте тотальности бытия как ключевой модус присутствия в мире.

Таким образом, в философии Дильтея происходит разведение и противопоставление “наук о природе” “наукам о духе”. Если предмет первых – внешние по отношению к человеку явления, то вторые обращены на внутренние непосредственные процессы переживания, поиск смыслов, ценностей, интересы, аффекты и т.п. проявления непосредственности. Представления человека о мире эмоционально окрашены, переживания конституируются не только на индивидуальном, но и общественном уровне культурой. Сам мир – не просто наличная данность, а переживаемая и исторически обусловленная реальность. Внутренний опыт переживания у Дильтея дополняется пониманием. Таким образом, в философии Дильтея понимание переживания из индивидуального акта превращается в социальное явление, способное объективироваться в различные общественные институты – государство, семью, церковь, этику, искусство, науку и т.п. Понимание мира другого оказывается возможным посредством эмпатии, сочувствия, вживания и иных психологических состояний. Эту слабую сторону герменевтического подхода Дильтея неоднократно отмечали его критики. Сильная же сторона его учения – подчеркнутый историзм, стремление понять настоящее через освоение культурной динамики прошлого [Реале, Антисери 1997, с. 291].

Авторитет культуры, таким образом, выступает в качестве решающего фактора предрассудков, необходимых для осуществления интерпретации. Напомним, что М. Вебер среди других оснований социального действия выделял традиционное действие, которое представляет собой усвоенную в процессе социализации привычку и находится на границе аффективного и ценностно-рационального действия [Вебер 1990, с. 628].

Культура общества через социализацию формирует некие стереотипы мышления, восприятия, способы, стиль и манеры переживания себя и мира. Эта мысль была затем использована Гадамером в его теории “пред-понимания”, “предрассудка” как форм исторической памяти, традиции [Гадамер 1988, с. 317–323]. Однако “предрассудки” недопустимо использовать непосредственно при интерпретации культурных текстов. Интерпретатор должен быть восприимчив к тому, что содержание, смысл текста может не совпадать с укорененными в нем предрассудками.

Гадамер пытается одновременно защитить и влияние культурной традиции как предпосылки интерпретации, и необходимость критического отношения к ней. Ссылаясь на М. Хайдеггера, он подчеркивает, что предрассудки (антиципации) должны развиваться при интерпретации текстов на основе добросовестного учета фактов, релевантных рассматриваемому контексту. Суть герменевтики состоит не в отгораживании

от культурной традиции, а в постоянном ее учете, понимании возможных ограничений, которые могут накладываться этой традицией на интерпретацию. В результате предрассудок из “необоснованного” преобразуется в некое “обоснованное суждение”.

Предрассудки, основанные на авторитете, не всегда представляют собой ложь или заблуждение (как это трактовалось в философии Просвещения). Среди них (культурной традиции) могут содержаться и оправданные, конструктивные, предрассудки. Авторитет, по мнению Гадамера, не всегда означает подчинение, покорность; другая его сторона – признание на основе разумной оценки заслуженного превосходства другого в чем-либо. Мораль, этические нормы также могут основываться на разумном признании авторитета культурной традиции, которая формируется не только естественным путем, но и на основе исторического согласия, принятия [Гадамер 1988, с. 333–337].

На уровне отдельного человека культурная традиция может интерпретироваться как “жизненный опыт”, содержащий в себе одновременно и саму традицию, и индивидуальный путь социализации. Интерпретируя жизненный опыт как специфическое неявное знание, можно приблизиться к осознанию траектории индивидуальной биографии в контексте историко-культурной динамики. Идея “опыта”, высказанная Гадамером, помогает лучше понять диалектический характер опыта, наполненного культурной традицией и одновременно открытого для принятия нового [Гадамер 1988, с. 333–337].

Среди ученых, специализирующихся в сфере социальных наук, одним из наиболее последовательных сторонников использования герменевтического подхода к изучению социокультурных проблем является представитель культурной антропологии К. Гирц [Гирц 2004]. Поскольку культура рассматривается им как сложная система смыслов, то для ее изучения необходимо использовать семиотический и герменевтический подходы, которые задействуются для так называемого “насыщенного описания” с целью выявления исходных смысловых структур изучаемой социальной общности. Гирц выступает решительным противником применения когнитивной психологии к изучению социокультурной проблематики, поскольку в этом случае поиск смыслов структур подменяется выявлением неких психологических условий формирования знаний, механизмов восприятия, обработки информации, памяти и т.п. Психологические паттерны, схемы мышления, выявляемые в когнитивной психологии на основе применения формальных научных методов, препятствуют реализации задачи поиска смысловых структур социума. Ссылаясь на Л. Витгенштейна, Гирц полагает, что основа понимания культуры – не просто владение грамматикой языка, а понимание условий и скрытых правил его применения в “языковых играх”, понимание смысловой основы использования тех или иных практик в различных культурных контекстах коммуникации и взаимодействия [Гирц 2004, с. 20]. Социальный исследователь оказывается, по Гирцу, в ситуации двойной герменевтики: он должен опираться на интерпретации носителей данной культуры, а затем интерпретировать полученный материал с позиции используемой им научной парадигмы. Гирца также не полностью устраивает стремление описать и понять культуру на основе выявления неких внутренних скрытых кодов (структурализм в духе К.Леви-Строса), поскольку это ведет к некоему культурному герметизму, закрытию культуры от контекста практического смысла.

Позиция методологического холизма в социологии наиболее последовательно отстаивается в предлагаемой Дж. Александером и Ф. Смитом программе “культурсоциологии” [Александр, Смит 2010]. Согласно этой программе, культура должна быть признана автономным фактором, а ее влияние на социальные процессы следует рассматривать на основе применения герменевтического подхода.

Социальные институты в культурсоциологии “безотносительно к тому, насколько безличными и технократическими они являются, имеют идеальное основание, которое фундаментальным образом формирует их организацию и цели” [Александр, Смит 2010, с. 14]. Для обнаружения этого “идеального основания”, состоящего из кодов, нарративов,

символов, предлагается обратиться к “насыщенному описанию” Гирца, а в качестве исходной философской основы использовать принципы герменевтики Дильтея [Александр, Смит 2010, с. 14]. При этом иные, “несимволические”, социальные отношения предлагается “заключить в скобки”, оставив в поле внимания только внутренние структуры смыслов, что даст возможность сосредоточиться только на автономной культуре.

Несмотря на положительную оценку стремления П.Бурдьё использовать “насыщенное описание” и интерпретативный подход при декодировании культурных текстов, Александр и Смит отмечают, что в конечном итоге результатом интерпретации становится вывод о том, что культура, реализуемая через габитус, – один из механизмов воспроизводства социального неравенства, одна из форм капитала, что ограничивает ее автономность. К аналогичным результатам приходит и программа М.Фуко, для которого культура, представленная в дискурсах, отражает властные отношения, совокупность институтов и структур, но не является самостоятельным фактором.

Можно сказать, что основа “сильной” программы культурсоциологии – герменевтика П.Рикера и “насыщенное описание” К.Гирца, которые продемонстрировали, что культура представляет собой сложный тест смыслов, моделирующий социальную жизнь. Однако “насыщенное” описание Гирца не дает возможность представить на теоретическом уровне какие-либо каузальные механизмы влияния культуры на социальную сферу. Наряду с герменевтикой, “насыщенным” описанием и другими важными методологическими основаниями для “сильной” программы культурсоциологии могли бы стать прагматизм, который позволяет связать культуру и действие на основе практического смысла, структурализм, а также теория нарративов, позволяющая связать анализ жанров, риторических приемов, тропологии с разнообразными социальными феноменами. Следует, однако, заметить, что “сильная” программа культурсоциологии не получила достаточно четко-го методологического обоснования и не позволяет представить на теоретическом уровне каузальный механизм влияния культуры на социальную жизнь.

Позиция методологического индивидуализма в герменевтических дисциплинах

Теория рационального выбора – в настоящее время одна из доминирующих в рамках социологии, опирающейся на количественную методологию. Однако она также может использоваться и в парадигме “понимающей социологии”. Основное преимущество данной теоретической парадигмы состоит в представлении достаточно ясной модели мотивации социального поведения, в основании которой лежит веберовский целерациональный тип. При этом одно из ключевых допущений этой теории рационального – принцип “методологического индивидуализма”, согласно которому индивид способен принимать рациональные решения на основе калькуляции и сравнения тех или иных издержек и возможной выгоды от реализации того или иного варианта действия. Социальная среда в данном случае рассматривается как совокупность внешних благоприятных условий или ограничений для реализации рациональных планов. Однако попытка ограничиться при интерпретации данных глубинных интервью лишь одним типом мотива социального поведения неизбежно ведет к искусственному элиминированию всех прочих мотивов. В результате появляется некий искусственный социальный тип, лишенный эмоций, социальных связей, ценностных установок, каких-либо внутренних противоречий, не связанный социальными традициями, усвоенными в процессе социализации нормами и ролевыми образцами.

Среди других подходов, опирающихся в той или иной степени на допущения методологического индивидуализма, можно выделить “социальную драматургию” И. Гоффмана, этнометодологию Г. Гарфинкеля и социальный когнитивизм Т. ван Дейка. Социальная “драматургия” Гоффмана предоставляет возможность интерпретировать результаты углубленных интервью на основе метафоры “драма”. В данном случае само общение

(интервью) между респондентом и интервьюером предстает как некая “драма”, где каждый разыгрывает свою роль в ходе исполнения “драмы” под названием “интервью”.

Как отмечает А.У. Гоулднер, социология Гоффмана — это социология “соприсутствия”, социология поведения и поступков людей в присутствии друг друга [Гоулднер 2003]. Однако, если ограничиться только тактикой “драматургии” и не учитывать социальные характеристики респондента (пол, возраст, профессию, социальный статус, доход и т.п.), то результаты интервью могут дать массу интересной информации о социально-психологических аспектах интеракции интервьюера и респондента. Однако эти результаты окажутся малоинформативными с точки зрения понимания собственно социологической проблематики — связи между содержанием, истолкованиями, оценками, присутствующими в текстах интервью, и социальными характеристиками респондента, историй его социализации, контекстом, определяющим его жизненную ситуацию. “Драматургия” социальных взаимодействий позволяет обнаружить некий желательный образ, который так или иначе респондент стремится представить интервьюеру. Это драматургия борьбы за социальную идентичность путем управления впечатлениями.

В то же время желаемый образ может достаточно серьезно варьировать под влиянием усвоенных образцов массовой культуры, респондент также способен стилизовать свой образ. Ограниченность “драматургического” подхода Гоффмана состоит в трудностях выявления взаимосвязи между предлагаемым образом и структурной позицией респондента. Он противостоит парадигме рационального выбора, предлагая иное представление о природе мотивов социального поведения. Если в теории рационального выбора основной мотив сводится к максимизации выгоды, полезности, то Гоффман полагает, что основной мотив поведения состоит в управлении впечатлениями в ситуации межличностного взаимодействия. Метафора “драмы” изображает социального агента в качестве игрока, подбирающего маски и стилизующего свое поведение под требования контрагента и конкретной ситуации. Подобный подход не дает возможности обратиться к пониманию им переживания своей идентичности, позиции, занимаемой в социальном пространстве. Перформанс занимает у Гоффмана место внутреннего драматизма переживаний респондентом своей судьбы в социальном контексте.

В качестве одного из наиболее влиятельных подходов, используемых в рамках “понимающей социологии” и методологии качественных исследований, можно назвать традицию так называемой “феноменологической социологии”, на теоретическом уровне разрабатывавшейся А.Шюцем [Шюц 2003^a; Шюц 2003^b] и ставшей основой для создания Гарфинкелем “этнометодологии” [Гарфинкель 2007]. Представители данного направления стремятся понять, каким образом люди на основе совместно разделяемого запаса социального знания способны коммуницировать, поддерживать связи, выстраивать те или иные отношения в условиях само собой протекающей и окружающей их повседневной социальной реальности. Именно совместно разделяемые социальные правила и знания делают возможным сохранение и поддержание “нормального” социального порядка.

Гарфинкеля интересует прежде всего не содержание формируемого в процессе рутинных интеракций запаса социального знания, а именно процесс его формирования. Запас социального знания рассматривается им в качестве фонового фактора, обуславливающего процедуры взаимодействия. При этом он и не пытается включить в анализ структурные переменные, во всех его экспериментах присутствуют испытуемые и экспериментаторы, наблюдатели и социальный объект наблюдения. Социальный актор в изображении Гарфинкеля действует рационально в специфическом смысле, он рефлексивен в том, что отдает себе отчет в требованиях, исходящих из окружающего его мира повседневности. Этот мир принимается актором непроблематично, как само собой разумеющийся, естественный. Он даже не адаптируется к нему, а принимает его как естественную неизбежность. Социальный мир Гарфинкеля — это некие конвенционально принятые пра-

вила, находящие выражение в индексных высказываниях, обеспечивающих нормальное и естественное поддержание этого мира, его стабильность.

В принципе аналогичная проблема интересовала и представителей структурного функционализма: каким образом создается и обеспечивается социальный порядок, стабильное функционирование общества. Однако Гарфинкель смещает в своих исследованиях акцент на микроуровень анализа, он весьма поверхностно и достаточно редко использует такие понятия, как “социальные роли”, “ценности”, “нормы”, “институты” в качестве основы для объяснения феномена социального порядка. Тем более им не уделяется никакого внимания анализу содержания этих норм и ценностей. Все эти базовые для классического структурного функционализма категории Гарфинкель обобщает как “фоновые” факторы. Сам фон не представляется чем-то стабильным, универсальным, общезначимым. Для каждой отдельной ситуации взаимодействия структура фона может существенно варьироваться, однако она определяет то, какие формы, стиль, вербальные категории из запаса социального знания будут использованы, каким стандартно принятым образом станут осуществляться практики. Но сама проблема накопления запаса социального знания, его содержания остается, согласно феноменологической редукции, “за скобками”, тем самым фактор истории, культуры принципиально элиминируется. Хотя у Гарфинкеля и приводится значительное количество примеров того, как испытуемые эмоционально реагировали на те или иные экспериментальные условия, однако все это необходимо только для фиксирования нарушения самого факта нормы, принятого в качестве естественного порядка вещей.

Методология, предлагаемая Гарфинкелем, позволяет серьезно продвинуться в понимании взаимодействия между исследователем и индивидуальным агентом. Например, при проведении интервью исследователь должен обращать внимание на структурные характеристики фона (место, время, сама ситуация проведения интервью), который неизбежно будет оказывать влияние на содержание и полноту ответов, манеру поведения, тактики утаивания, недомолвок и т.п. Важно также обращать внимание на то, какие вопросы могут вызвать у респондента чувство нарушения ожидаемой нормы, привычного хода течения событий, какой стиль, манеру общения избирает респондент, с помощью каких выражений и фраз он описывает или оценивает те или иные явления или процессы.

В качестве одного из проявлений методологического индивидуализма в рамках интерпретативного подхода можно также рассматривать когнитивную теорию употребления языка [ван Дейк 2000; ван Дейк 2013]. С точки зрения ван Дейка, эта теория позволяет выявить не только когнитивные механизмы обработки информации и формирования знания, но и производство и понимание речевых актов [ван Дейк 2000, с. 12]. В рамках данной теории социальные условия рассматриваются как когнитивно обусловленные в рамках достигнутых конвенций использования языка. Таким образом, социальные взаимодействия рассматриваются на уровне отдельных контрагентов коммуникационного процесса, когда участники обладают общими фреймами, схемами мышления, а социальные условия учитываются в качестве неких внешних фоновых обстоятельств.

Подобный подход очень близок микросоциологии Шютца с его концепцией “жизненного мира” и общего запаса социальных знаний, обеспечивающих возможность для социальных интеракций, но отличается от последнего высоким уровнем формализации предлагаемого подхода к анализу дискурсов, изучения языка и знаний (фреймов). Фреймы (социально типичные знания, концепции, сценарии), рассматриваемые на индивидуальном уровне, создают основу для стратегических действий и использования речевых актов в различных контекстах. Понимание фреймов и речевых актов возможно только при условии анализа структуры прагматического контекста, в котором применяется язык. Однако анализ прагматического контекста дает возможность выявить лишь условия осуществления речевого акта, само же содержание сообщения должно подвергаться подробному грамматическому анализу: тут необходимы семантический, синтаксический, лексический, фонологический, паралингвистический анализ.

Несмотря на то, что ван Дейк отмечает необходимость учета социального контекста, он особенно подчеркивает, что понимание речевых актов (дискурса) зависит от меняющихся когнитивных характеристик индивидуальных акторов, их мнений, убеждений, интересов, знаний, имеющих личностный характер [ван Дейк 2000, с. 82]. Основой для интерпретации дискурса выступают личностные и общие (социальные) когнитивные модели, отношения между которыми он не проясняет. Складывается впечатление, что социальные модели существуют как бы вне индивидуальных моделей, только иногда соприкасаясь с ними.

Большая заслуга дискурсивного анализа ван Дейка – его стремление разработать конструктивный алгоритм использования различных лингвистических инструментов прояснения способов и последовательности формирования значений. При этом ученый не уделяет должного внимания определению подходов интерпретации культурных кодов анализируемых текстов, взаимосвязи между институтами, структурами и культурой.

В предлагаемом обзоре концепций нельзя также не упомянуть одного из современных представителей постмодернизма, который в своих работах по философии истории обращается к герменевтическому подходу. Это Ф.Р. Анкерсмит [Анкерсмит 2003]. История и другие социальные и гуманитарные науки должны трактоваться на основе изучения языка представления предметных областей этих наук. Традиционные задачи, связанные с пониманием или объяснением с помощью текстов реальных исторических или социальных процессов, расцениваются исследователем как недостижимые. В данном случае обнаруживается радикальный разрыв со всей классической научной традицией – с ее объективизмом, способностью, используя строгий научный инструментарий, познавать окружающий мир. Вместо этого Анкерсмит в духе постмодернистской парадигмы предлагает феноменологию истории, основанную на выделении неких метафор, с помощью которых историки не столько осваивают, сколько репрезентируют и интерпретируют историю. Текст в рамках постмодернистского направления становится единственным доступным средством нахождения в мире и понимания этого мира посредством множественных интерпретаций. Какие-либо обобщенные концепции общества, истории (метадискурсы), характерные для эпохи модерна, в рамках постмодернизма подвергаются радикальной критике.

Постмодернизм отрицает классическую идею о том, что язык есть средство репрезентации реальности, посредник между познающим субъектом и реальностью (логоцентризм Р. Декарта и трансцендентализм И. Канта). Согласно Анкерсмицу, язык и сформированный им текст представляют собой единственную достоверную реальность. Он оказывается не удовлетворен и герменевтикой Гадамера на том основании, что последний пытался посредством интерпретации текста реконструировать прошлое, тогда как эта процедура, по его мнению, изначально обречена. Язык конструирует реальность, поэтому можно говорить только о той реальности, которую представляет текст, нарратив. Именно сам текст, дискурс должны стать объектом внимания исследователя, а не скрытая за ним реальность. Последнюю необходимо обнаружить либо посредством фактологического анализа, либо содержательной интерпретации. В конечном итоге интерпретация понимается не как раскрытие содержания, обнаружение скрытых смыслов, а как средство выявления интерпретатором своего творческого потенциала, способность обнаружить свою идентичность. Текст не содержит в себе единственно возможный смысл. Смыслов может быть столько, сколько существует читателей текста.

Думаю, основная проблема постмодернистской теории дискурса, нарратива состоит в том, что здесь “план выражения” практически полностью заменяет “план содержания”, лишая возможности целостного рассмотрения текста в его единстве формы и содержания. Форма (вся совокупность лингвистических средств) может рассматриваться как средство выражения, репрезентации содержания, и, напротив, содержание, исходный смысл может влиять на выбор средств выражения. В рамках постмодернистской парадигмы текст –

не источник для анализа и реконструкции, он лишь дает возможность индивидуального прочтения, свободной интерпретации и создания собственного смысла. В конечном итоге смыслов текста может быть столько, сколько читателей встретилось с данным текстом.

В то же время некоторые положения философии Анкерсмита представляются важными для осмысления роли герменевтики. Так, он отмечает, что у интерпретации есть два аспекта: 1) интерпретации значения человеческих действий; 2) интерпретации текстов. В первом случае предполагается, что исследователь должен обратить внимание на нахождение скрытой мотивации субъекта (будь то мотивация максимизации индивидуальной полезности, либо социально-статусные и т.п. мотивы). Во втором случае сам текст становится объектом интерпретации, автор в данном случае оказывается на заднем плане. Также заслуживает внимания предлагаемая в рамках постмодернизма идея о том, что реальность в условиях бурного развития средств массовой коммуникации преобразуется в репрезентацию этой реальности, ее *simulacrum* (Бодрийяр), который способен делать реальность даже более реальной, чем она есть – гиперреальностью.

Одной из разновидностей интерпретативного подхода в рамках парадигмы методологического индивидуализма является экзистенциальная социология так называемой “калифорнийской школы” (Д. Дуглас, Д. Джонсон, Д. Котарба, А. Фонтана и др.). В русскоязычной научной литературе только отдельные авторы обращают внимание на теоретические и методологические возможности и перспективы “экзистенциальной социологии” [Мельников 2008; Мельников 2011; Мельников 2017].

Принципиальное отличие экзистенциального подхода от “феноменологической социологии” Шюца и Гарфинкеля заключается в том, что исследователи, придерживающиеся этой традиции, основное внимание пытаются сосредоточить не на вопросе о том, каким образом на основе общего запаса социального знания, принимаемого в “естественной установке”, индивиды в процессе символической интеракции производят и воспроизводят социальный порядок, а на проблеме экзистенциального “переживания” индивидом своей личной ситуации, положения в социальном мире. В отличие от драматургического подхода Гоффмана индивиды в трактовке экзистенциальных социологов не столько управляют впечатлениями, сколько эмоционально переживают событие, жизненную ситуацию во всей ее драматичности и напряжении. Как отмечает Мельников, представители “калифорнийской школы” фокусируются на исследовании конкретных случаев опыта пребывания человека в мире, избегая изначальных теоретических допущений [Мельников 2008]. Таким образом, в рамках калифорнийской школы особый акцент делается на проблеме “экзистенциального Я в обществе”; переживание присутствия индивида в мире анализируется как уникальный случай, при этом индивид рассматривается как находящийся в состоянии непрерывного становления и способный активно влиять на свое социальное окружение [Мельников 2008, с. 89].

Компромиссная позиция – синтез социально-культурного холизма и индивидуализма

Целый ряд ученых, обращавшихся к интерпретативному подходу, пытались найти некий баланс между двумя крайностями – методологическим холизмом и индивидуализмом. Доведенный до логического конца антисциентизм, иррационализм, релятивизм постмодерна попытался преодолеть Хабермас. Он соглашается с критикой логоцентризма Декарта и трансцендентализма Канта со стороны герменевтики и прагматизма, полагая, что модель абстрактного познающего субъекта, оторванного от повседневных практик, коммуникации, естественного языка, представляет собой условную схему, не отражающую социальной реальности. Модель познания в категориях “субъект – объект”, в которой одинокий субъект осуществляет рациональное познание внешних объектов окружающего мира вне связи с опытом социализации, культурой, “жизненным миром”, не способна

учесть влияния интерсубъективности на процессы познания. Под влиянием герменевтики и прагматизма “целенаправленная практика и языковая коммуникация берут на себя скорее другую понятийно-стратегическую роль, чем та, которая выпала на долю саморефлексии в философии сознания” [Хабермас 2001, с. 18–19].

В то же время Хабермаса не в полной мере устраивает радикальная попытка, предпринятая Р. Рорти, оказавшим решающее влияние на обоснование методологических оснований постмодернизма, поставить под вопрос претензии классической философии на роль “хранителя рациональности”. В своем творчестве философ стремится найти точки взаимопонимания и сотрудничества между трактовкой познания как социального процесса, выстраиваемого на основе общих практик, совместного коммуникативного действия и традицией классической эпистемологии с ее акцентом на инструментальную рациональность, эмпиризм, которые заложили фундамент современного научного знания.

Ссылаясь на роль Гадамера в так называемом “интерпретативном повороте” в социальных науках, Хабермас подчеркивает, что герменевтика предлагалась не в качестве замены или альтернативы традиционным научным систематическим методам сбора и анализа данных, а как некое искусство интерпретации скрытых смыслов, содержащихся в различного рода произведениях художественной литературы на основе пред-понимания, предрассудков. Подобную же процедуру можно применить и в отношении истории, изучения текстов повседневной жизни (нарративы, автобиографии, беседы). Представители позитивистской общественной мысли возражали против попыток перенесения интерпретативного подхода в социологию, полагая, что лучшая альтернатива неизбежному субъективизму герменевтики – использование операционализируемых понятий, строгих методов научных исследований, процедур верификации и т.п. [Хабермас 2001, с. 36].

Герменевтика, по Хабермасу, должна заниматься интерпретацией доступных пониманию объективированных в тексте, высказывании, артефакте, установлении значений. Необходимое условие формулирования и понимания объективированного значения – участие в коммуникативных действиях членов той же языковой общности [Хабермас 2001, с. 38]. Герменевтика “должна иметь дело с тройким отношением высказывания, которое служит, *во-первых*, выражением намерений говорящего, *во-вторых*, выражением межличностного отношения, устанавливаемого между говорящим и слушателем, и *в-третьих*, выражением, в котором говорится о чем-то, имеющем место в мире. И кроме того, при каждой попытке прояснить значение того или иного языкового выражения мы сталкиваемся с *четвертым*, внутриязыковым или лингвистическим отношением, а именно с отношением между данным высказыванием и совокупностью всех возможных высказываний, которые могут быть сформулированы в том же самом языке” [Хабермас 2001, с. 40].

Хабермаса интересует прежде всего употребление языка в его перформативности, когда партнеры коммуникации вступают в определенные отношения, характеризующиеся разнообразными взаимными интенциями, интересами, ожиданиями, настроениями и т.п. Взаимные притязания, сопровождающие процесс коммуникации, неизбежно должны, по Хабермасу, вести к выработке некоторых взаимоприемлемых оснований для рационально мотивированного консенсуса. Выделенные Хабермасом функции языка становятся основой для формирования подобного рационального консенсуса, гарантируя воспроизводство общего “жизненного мира”.

Перформативное употребление языка предполагает активизацию интерпретативной установки, а это приводит к определенным последствиям для герменевтики: превращение интерпретатора в участника коммуникационного процесса; усиление контекстной зависимости интерпретатора. Перформативный язык повседневного общения отличается от языка науки насыщенностью эмоциональных выражений, непоследовательностью, нечеткостью формулировок, наличием большого количества «индексных выражений»; знание, выражаемое этим языком, является не научным, а специфическим знанием “жиз-

ненного мира”, поэтому интерпретаторы должны быть хорошо осведомлены о реальности этого “жизненного мира” и порождаемых в нем текстов» [Хабермас 2001, с. 44].

Эти обстоятельства создают серьезные проблемы перевода языка жизненного мира на язык анализа объективной науки. Однако сам Хабермас полагает, что радикальная позиция постмодернизма, приравнивающая статус “наук о духе” (общественные науки) к статусу литературной и художественной критики, ведет к отказу от возможности использования герменевтического подхода для плодотворного изучения социальных проблем. В качестве выхода он предлагает найти некий “третий путь”, связанный с отказом от постулата о “ценностной нейтральности” науки и выработкой теоретических подходов, способных прийти к объективному знанию.

В данном случае основной задачей интерпретатора становится прояснение рациональных оснований действий, практик, суждений, предъявляемых респондентом в коммуникативном процессе. Кроме того, необходимо выявить контекст, который респондент предъявляет в качестве значимых обстоятельств и условий практик, мнений, суждений.

Хабермас также отмечает, что любая интерпретация разумна, связана со стремлением выявить основания, на которых строится текст, поскольку само коммуникативное действие в “жизненном мире” имплицитно предполагает взаимную рациональность контрагентов. В том случае, когда высказывания респондента представляются интерпретатору имеющими рациональные основания, процесс интерпретации достаточно прост. Таким образом, социальная герменевтика Хабермаса предполагает процедуру реконструирования рациональных оснований суждений и практик, обнаруживающихся в коммуникации. Подобный подход способен дополнить строгую научную методологию и предложить возможность выдвижения обоснованных гипотез.

Представляя взгляды видных представителей герменевтики, необходимо также указать на имя П. Рикера, роль которого в определении методологического значения герменевтики для социальных наук проанализирована в [Борисенкова 2007]. Рикер отмечает, что герменевтика прежде всего имеет дело с текстами, которые понимаются широко как материально зафиксированная форма дискурса, а под дискурсом подразумевается “язык в действии” или “язык в употреблении” [Борисенкова 2007, с. 45].

Для понимания смыслового действия, согласно Рикеру, можно задействовать процедуры интерпретации, аналогичные приемам, используемым при работе с текстами, например, в юриспруденции во время судебного разбирательства. Судебное решение обычно выносится путем выявления достаточных оснований при рассмотрении альтернативных аргументов со стороны обвинения и защиты, являющихся неким аналогом научных процедур верификации и фальсификации. Таким образом, социология может истолковывать смысл социального действия, используя процедуры герменевтического анализа текстов.

М. Вебер – автор понятия “понимающая социология” отчетливо поставил перед социологией задачу понимания смысла “социального действия” [Вебер 1990]. Само социальное действие должно быть ориентировано на другого и соотноситься по смыслу с действиями других. Таким образом, с самого начала Вебер определяет задачи понимающей социологии с точки зрения межиндивидуального взаимодействия. Интерпретация может быть либо рациональной (научной), либо эмоциональной, основанной на переживании, вчувствовании (художественной). А значит, понимающая социология должна стремиться к рациональной интерпретации рациональных оснований социального действия.

Сам Вебер отдает предпочтение так называемому “объясняющему пониманию” [Вебер 1990, с. 608], которое должно раскрыть некие рациональные основания социального действия, выявить мотивы (достаточные причины) его совершения. Под рациональностью у него имеется в виду не столько инструментальная максимизирующая рациональность (такая рациональность – частный случай), сколько разумные и принятые в данной культуре и в контексте конкретной ситуации правила и нормы поведения. В этом смысле Вебер

употребляет понятие “функциональность”. Чтобы понять социальное действие, мы должны знать и понимать, какие социальные функции в данном обществе выполняют участники социального взаимодействия. Понимание их рациональных мотивов и выполняемых ими общественных функций позволяет, в свою очередь, понять устройство и механизмы работы социальных институтов. В реальном же социальном действии его смысл чаще всего оказывается скрытым от актора.

Выделяемые Вебером мотивы, лежащие в основе “идеальных” типов социального действия, представляют собой попытку нащупать ключевые смыслы, основания, которыми руководствуются акторы [Вебер 1990, с. 628]. Все эти типы, на мой взгляд, следует рассматривать с точки зрения не выявления психологии мотивации отдельного индивида, а понимания социально-культурных оснований социального действия. Типы его мотивов позволяют одновременно представить возможные варианты социально-культурных образцов. Это и было реализовано Вебером и в “Протестантской этике и духе капитализма”, и в “Теории ступеней и направлений религиозного неприятия мира”, и др. [Вебер 1990].

В свою очередь, П. Бурдьё при построении своей социологической теории пытался преодолеть недостатки чрезмерного психологизма, конструктивизма, свойственного тем социологическим концепциям, где чрезмерно акцентируется роль субъективного фактора, а также объективизм социального факта, свойственный традиции Э. Дюркгейма, структурного функционализма и других версий макросоциологического подхода [Бурдьё 2001]. Думаю, наибольший интерес с точки зрения возможности использования концепции Бурдьё для проведения интерпретации в рамках качественной методологии представляет теория форм капиталов – экономического, культурного, социального и др. [Бурдьё 2002]. Распределение различных форм капиталов и возможности их взаимной конвертации определяют характер социальной структуры, способы осуществления различий, социальные отношения в целом.

При этом следует отметить особую роль так называемого “символического капитала”, в качестве которого могут выступать все прочие виды капиталов. Согласно Бурдьё, именно борьба за символический капитал (признание, одобрение, статус, почести, уважение) определяет зоны социального напряжения, порождает саму социальную динамику. Тем самым у Бурдьё отношения по поводу социального признания и различия посредством накопления и использования различных форм капиталов путем их конвертации определяют основной мотивационный вектор. Идея Бурдьё о том, что стремление к социальному признанию посредством символического представления накопленных форм разных видов капиталов является базовым социальным мотивом, позволяет более предметно интерпретировать содержание ответов респондентов в углубленных интервью с учетом их позиции в социальной структуре. Если в марксистской социологии основной мотив социального поведения сводится к накоплению капитала лишь в экономической форме, что и определяет классовый интерес, то у Бурдьё предлагается более сложная, но одновременно и более развернутая модель мотивации социального поведения. В ней интерес может состоять не только в обладании экономическим, но и культурным, и социальным капиталом. Те или иные формы капиталов, несмотря на их относительную значимость в конкретном обществе на том или ином этапе его исторического развития, необходимы и используются как средства борьбы за социальное признание и различие, то есть в качестве символического капитала. Акцент на стремлении обрести тот или иной капитал позволяет понять, какие основания для социального признания в форме одобрения, почести, уважения, репутации в данном обществе и в данное время более или менее значимы. Концепция форм капиталов также позволяет выделять те или иные стратегии социального поведения, базирующиеся на усвоении в процессе социализации габитуса.

В экзистенциальной социологии выделяется подход, основанный на нахождении баланса между методологическим индивидуализмом и холизмом. Уже в философии Хайдеггера общество представляется с помощью метафоры “das Man” – некой безликой принуждаю-

щей силы [Хайдеггер 2003]. Общество неизбежно стоит на пути выражения и признания аутентичности отдельного индивида, формируя посредством институтов социализации стереотипизированные нормы, установки, модели поведения, помещая индивида в определенную структурную позицию.

Как подчеркивал основоположник экзистенциальной социологии в своей программной статье Э. Тирикьян: “Экзистенциализм – философия неистребимого индивидуализма: экзистенциальное мышление рассматривает существующего индивида вне какой бы то ни было объективной определенности его положения в мире, без каких-либо привязок к когнитивно объективной постигаемой реальности, без каких-либо внешних опор, посредством которых он мог бы закрепится в мире и чувствовать себя в безопасности” [Тирикьян 2007, с. 62]. Осознание индивидом своего существования в социальном мире как неподлинного, угрожающего его сущностной идентичности, неизбежно ведет к переживанию своей экзистенции как наполненной тревогой, страхом, отчаянием, ощущением заброшенности в мир, отсутствия своего “дома” и т.п.

По мнению Тирикьяна, который был озабочен возможностью нахождения точек соприкосновения социологизма и экзистенциализма, выход из этого казалось бы непреодолимого конфликта парадигм следует искать в признании того, что личность человека и, следовательно, возможности проблематизации им своей аутентичности немислимо без влияния на процесс формирования идентичности институтов общества [Тирикьян 2007, с. 67]. Человеческая мысль, способы познания и рефлексии, манеры, стиль, вкусы и другие качества, характеризующие индивидуальность, в конечном итоге создаются обществом. Только при учете фактора культуры можно приблизиться к пониманию того, что есть истина в ее социальном измерении.

В результате рассмотрения исходных оснований экзистенциализма и классической версии социологии Тирикьян предлагает следующие возможности выработки компромиссной теоретико-методологической позиции, которая могла бы оказаться полезной для новой версии социологии:

- признание за обществом статуса “экзистенциальной реальности”, то есть социальной среды, формирующей субъективный мир человека и его практики, среды, с которой индивид соотносит свою экзистенцию;
- рассматривать понятия “аутентичного” и “неаутентичного” бытия через призму “солидарности” и “аномии”;
- сосредоточиться в социологии на выявлении факторов и условий, вызывающих у индивидов переживание своего бытия в мире как кризиса, тревоги, страха и т.п.;
- особое внимание в социологии следовало бы обратить на такой экзистенциальный модус присутствия в мире с другим, как “забота” (Хайдеггер); необходимо более точное понимание не столько индивидуального переживания “заботы”, “озабоченности”, “заботы о другом”, но и выявление того, как общество конституирует основные области этого модуса;
- социологии необходимо воспользоваться феноменологическим методом и герменевтикой для более точного понимания процессов конструирования социальной реальности, изучения социальных представлений, которые позволяют индивиду соотнести себя с социальным миром;
- важная задача социологии – анализ множественности социальных миров, находимых в любом данном обществе;
- экзистенциальная философия могла способствовать существенному обогащению теории социального действия и взаимодействия с позиции переживания индивидом своей “заброшенности” в социальной мир, необходимости бытия в мире с другими;
- экзистенциальная философия позволяет рассматривать такой аспект действия как “выбор” не столько с точки зрения методологии рациональности, но прежде всего, как “экзистенциальный выбор” в “пограничной ситуации”, которая неизбежно задается социальным бытием.

* * *

Представленный обзор выделенных условно в рамках герменевтической традиции социальных исследований методологических позиций позволяет сделать ряд выводов о возможности использования тех или иных теоретических положений при анализе текстов углубленных интервью, устных историй, нарративов, дискурсов, автобиографий и иных материалов. Выраженные в той или иной степени различия между методологическими позициями не препятствуют использовать идеи, развиваемые в каждой из них, для решения задач интерпретации результатов конкретных социологических исследований. Так, несмотря на акцентирование Гадамером идеи “предпонимания”, “предрассудка” как исходного пункта интерпретации, эти концепты могут быть переосмыслены в общий для интерпретатора и респондента культурный и языковой контекст, позволяющий установить отношения взаимопонимания. При этом “предрассудок” должен постоянно находиться в фокусе критического внимания интерпретатора.

Идея о “переживании” бытия, характерная как для Гадамера, так и для “экзистенциальной” социологии позволяет выявлять не только рациональные основания действия, но и эмоциональное самоощущение присутствия человека в социальном мире. Заслуживает внимания и обращение в герменевтике и экзистенциализме к проблеме переживания человеком социального времени и пространства, выделение исторического и динамического модуса присутствия в мире. Важной для интерпретативной парадигмы является также мысль Гирца о том, что основа понимания культуры изучаемой социальной общности – понимание условий и неявных правил применения естественного языка в практическом контексте.

Социальная “драматургия” Гоффмана предоставляет возможность интерпретировать результаты углубленных интервью на основе метафоры “драма”, в которой разворачивается коммуникация между респондентом и интервьюером. Это позволяет обратить внимание на тактики “управления впечатлениями”, используемыми в ходе интервью. Акцент Гарфинкеля на значении фона позволяет лучше понять, как структурные свойства конкретного социального фона могут повлиять на коммуникацию между респондентом и интервьюером, на искренность и полноту его суждений и оценок.

Методология дискурс-анализа, предложенная ван Дейком, позволяет последовательно и на основе рационально выстроенного алгоритма, учитывающего структуру прагматического контекста, выявить условия осуществления речевого акта, а также раскрыть содержание текстов на основе применения различных инструментов грамматического анализа. Дополнением к грамматическому анализу может быть также тропология – выявление символических средств формирования содержания различных текстов. Экзистенциальная социология дает возможность дополнить интерпретацию как способ выявления рациональных оснований суждений, легитимированных в данной культуре, интерпретацией содержания эмоциональных переживаний личной ситуации.

Заслуживает внимания и концепция “коммуникативного действия” Хабермаса, позволяющая найти конструктивный компромисс между герменевтическим и прагматическим подходами к изучению социальной проблематики, с одной стороны, и наследием классической эпистемологии с ее акцентом на инструментальной рациональности – с другой. Коммуникативный характер социального взаимодействия, диалог позволяют выявить на разумной основе взаимные ожидания в условиях общего культурного и языкового контекста, предпосылки о рациональности своих действий и действий партнера по коммуникации. Безусловно, для интерпретативной социологии продолжает сохранять свою актуальность идея Вебера о двух подходах к интерпретации социального действия – рациональном и эмоциональном.

Следует также отметить высокую ценность концепции форм капиталов Бурдьё, которая может быть использована при проведении интерпретации результатов применения

качественных методов. Информация о распределении форм капиталов позволяет представить основные черты социально-культурного и демографического портрета респондента и соотнести “эскиз” этого портрета с содержанием интервью. Применительно к задачам интерпретативной социологии заслуживает внимания и идея Бурдье о центральной роли символического капитала в качестве мотивационного драйвера социального поведения.

Наконец, влияние экзистенциальной социологии Тирикьяна на понимающую социологию можно обнаружить в его стремлении выявить роль структурных, институциональных и социокультурных факторов на переживание индивидом своего существования в социальном мире как неподлинного. Таким образом, “забота” как модус присутствия в социальном мире получает не только статус внутреннего переживания, но и социальное и историческое измерение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж., Смит Ф. (2010) Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. № 2. С.11–30.
- Анкерсмит Ф. Р. (2003) История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция.
- Борисенкова А. В. (2007) Герменевтические проекты в социологии (на примере работ Ю. Хабермаса и П. Рикера) // Социологическое обозрение. № 2. С. 39–49.
- Бурдье П. (2001) Практический смысл. СПб.: Алетейя.
- Бурдье П. (2002) Формы капитала // Экономическая социология. № 5. С. 60–74 .
- ван Дейк Т.А. (2013) Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”.
- ван Дейк Т.А. (2000) Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.
- Вебер М. (1990) Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 602–639.
- Гадамер Х.-Г. (1988) Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс.
- Гарфинкель Г. (2007) Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер.
- Гирц К. (2004) Интерпретация культур. М.: РОССПЭН.
- Гоулднер А.У. (2003) Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука.
- Мельников А. С. (2011) Калифорнийская школа экзистенциальной социологии: общая характеристика деятельности // Социологические исследования: сборник научных трудов. № 11. Луганск: ВНУ им. В. Даля.
- Мельников А. С. (2015) Экзистенциальная социология Дж. Джонсона // Социология: теория, методы, маркетинг. № 4. С. 100–112.
- Мельников А. С. (2017) Экзистенциальная социология Джозефа Котарбы // Социологические исследования. № 5. С. 127–135.
- Реале Д., Антисери Д. (1997) Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. СПб.: ТОО ТК “Петрополис”.
- Тирикьян Э. (2007) Социологизм и экзистенциализм // Вопросы социальной теории. Вып. 1. С. 50–84.
- Хабермас Ю. (2001) Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука.
- Хабермас Ю. (1993) Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Вып. 2. С.123–136.
- Хайдеггер М. (2003) Бытие и время. Харьков: Фолио.
- Шюц А. (2003^b) О множественности реальностей // Социологическое обозрение. № 2. С. 3–34.
- Шюц А. (2003^a) Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”.

REFERENCES

- Aleksander D., Smit F. (2010) Sil'naya programma v kul'tursociologii [Strong program in cultural sociology]. *Sociologicheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 11–30.

- Ankersmit F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. Moscow: Progress-Tradiciya.
- Borisenkova A.V. (2007) Germenevticheskie proekty v sociologii (na primere rabot Yu. Habermasa i P. Rikera) [Hermeneutical projects in sociology (based on the works of Y. Habermas and P. Riker)]. *Sociologicheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 39–49.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, no. 5, pp. 60–74.
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. St.-Petersburg: Aleteiya.
- Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and method: Foundations of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress.
- Garfinkel' G. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* [Research on ethnomethodology]. St.-Petersburg: Piter.
- Girc K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN.
- Gouldner A.U. (2003) *Nastupayushchiy krizis zapadnoy sociologii* [The coming crisis of Western sociology]. St.-Petersburg: Nauka.
- Habermas Y. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. Moscow: Nauka.
- Habermas Y. (1993) Otnosheniya mezhdu sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyah pozdnego kapitalizma [Relations between the system and the life world in the conditions of late capitalism]. *THESIS*, no. 2, pp.123–136.
- Hajdegger M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and time]. Har'kov: Folio.
- Mel'nikov A.S. (2015) Ekzistencial'naya sociologiya Dzh. Dzhonsona [The existential sociology of J. Johnson's]. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing*, no. 4, pp. 100–112.
- Mel'nikov A.S. (2017) Ekzistencial'naya sociologiya Dzhozefa Kotarby [The existential sociology of Joseph Kotarba]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 127–135.
- Mel'nikov A. (2011) Kaliforniyskaya shkola ekzistencial'noy sociologii: obshchaya harakteristika deyatel'nosti [California school of existential sociology: General characteristics of activity]. *Sociologicheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov*, no. 11. Lugansk: VNU im. V. Dala, pp. 89–101.
- Reale D., Antiseri D. (1997) *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei* [Western philosophy from its origins to the present day]. Vol. 4. Ot romantizma do nashih dnei. St.-Petersburg: TOO TK "Petropolis".
- Tirik'yan E. (2007) Sociologizm i ekzistencializm [Sociologism and existentialism]. *Voprosy social'noy teorii*, no. 1, pp. 50–84.
- Shyuc A. (2003) O mnozhestvennosti real'nostey [On the multiplicity of realities]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 3, no. 2, pp. 3–34.
- Shyuc A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sociologii* [Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie".
- van Dejk T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow: Knizhnyy dom LIBROKOM.
- van Dejk T.A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
- Weber M. (1990) Osnovnye sociologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, pp. 602–639.